

ДЖОЙФУЛ JOY - FOOL

АНДРЕЙ ВОЛХОВ

Андрей Волхов

Джойфул

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29412109

ISBN 9785449034083

Аннотация

Перед вами сборник историй, в каждой из которых не один персонаж. Герои рассказов живут в своих собственных и абсолютно разных реальностях.

Автор легко и с большой проницательностью расскажет, как среди будничной суеты, работы, соседей, усталости, причудливо действует счастье, и как ловко оно выплетает свое неповторимое кружево в каждом дне жизни.

Как выглядит счастье? Какое оно для них?.. Глупое, неуклюжее, совсем непонятное, даже парадоксальное... такое простое, и такое нужное. Счастье.

Содержание

Место для смеха	5
Мечта зеленого цвета	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джойфул

Андрей Волхов

Редактор Галина Гурова

Дизайнер обложки Greta Berlin

© Андрей Волхов, 2018

© Greta Berlin, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-3408-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Место для смеха

Когда я впервые понял, что полагаться на деда не стоит, мне было восемь лет. Это произошло в тот самый момент, когда он не пришел забрать меня из школы домой.

Увели Гошу – моего приятеля, который потом, на многие годы остался моим лучшим другом. Увели Катю, которую я ненавидел всем сердцем в школе, и каждому взгляду которой так искренне радовался позже, уже во взрослой жизни. Увели даже Мишу с Ваней, чьи родители, в принципе, редко приходили за своими чадами, и ребята каждый день шли домой сами. Не забрали только меня.

– Где дедушка, Саш?

Я молчал и глупо смотрел на учительницу, а глаза немного наливались слезами от обиды за пропущенный мультик, который начинался как раз к моему возвращению из школы.

– Я не знаю.

Как позже выяснилось, дедушка неожиданно запил, не успев предупредить моих родителей, чтобы они сами справились с несложной задачей – привести меня домой.

Учительница раздраженно, но все же заботливо отвела меня обратно в класс, где усадила за первую парту и предложила подождать «еще немного». Сколько будет длиться это «еще немного», она не сказала, хотя ответ на этот вопрос я очень ждал именно от нее.

Чувствуя всепоглощающую тоску по неувиденному мультфильму, который – я знал – уже начинался в телевизорах всех других детей, я наблюдал небо прохладного октябрьского вечера через густо расставленные растения на подоконнике класса. Растения имели странные и трудные для памяти названия, которые были написаны на табличках перед горшками, что наводило на меня еще больше уныния.

За непривычной для меня первой партой я вдруг осознал, что сижу как раз на месте Кати, которая пару дней назад наядбедничала на меня родителям, и те сделали мне выговор за ее сломанные очки. К моему букету эмоций добавилось еще и отвращение – и я быстро перебрался на свое законное место на третьей парте во втором ряду, полностью лишив себя вида из окна.

Уроки делать не хотелось, впрочем, как и дальше ждать деда, который явно уже не собирался за мной приходить.

Смирившись с пропущенным сериалом, я начал воображать, что вдруг в класс зашли родители Кати, подсели рядом и, погладив меня по голове, сказали, что вовсе не сердятся и все прекрасно понимают. А чтобы загладить свою вину, они сейчас отведут меня домой, ведь мой дед, так искренне защищавший меня перед Катиными родителями, запомнился им вразумительным и весьма интеллигентным человеком, с которым они были бы готовы подружиться. А еще они обязательно помогут мне одеться и, конечно, завяжут мои шнурки, но я ни в коем случае не должен беспокоиться, ведь

дело житейское, а я еще маленький. А когда мы будем идти домой, они мне скажут, что записали мой сериал. И что дома вместе с дедом сидит Катя, пьет кока-колу и ждет меня, уже заранее завязав длинный хвост, за который я смог бы ее дернуть...

Дверь все-таки открылась, но вместо двух давно женатых людей появилась одна моя учительница, так грубо разрушившая все мои воздушные замки. Вздохнув, она посмотрела на меня:

– Собирайся.

– А знаешь, что было дальше? – спросил я у деда, заваривая лапшу быстрого приготовления в его неизменную мисочку с черным орнаментом, – дальше моей учительнице пришлось вести меня домой, потому что ты был не в адеквате.

– Сделай громче, – дед смотрел сквозь меня, якобы пытаюсь разглядеть, что в этот момент показывали по телевизору, который я загородил, чтобы завладеть его вниманием.

Я положил пульт рядом с ним и молча ушел из кухни.

Проблема деда заключалась в том, что он, по сути, остался один. Моя же проблема заключалась в том, что я понимал, что тоже останусь один, повторяя его судьбу, и от этого вся последующая жизнь представлялась мне еще более сложной. Увы, я постоянно пытался разглядеть в нем те чувства, которые на самом деле были чужды мне самому – понимание и родственная любовь.

Несмотря на то, признавая, что мы схожи характерами, в какой-то момент я понял, что практически ничего о нем не знал.

В моем детстве мы долго жили с ним вдвоем в стенах однокомнатной квартиры, я изучил его привычки, и точно определял, когда он хотел выпить пива, а по интонациям в его голосе понимал, сколько именно бутылок он выпьет за этот вечер.

Я прекрасно знал, на каком боку он спит. Я привык не волноваться, когда по ночам мне казалось, что он перестает дышать.

Я научился подбирать нужные обещания, которые обязательно исполню после наших прогулок в парке, чтобы он купил мне пончиков или мороженого. А иногда – сладкой ваты или печенья, в зависимости от того, кто арендовал торговые площадки парка в тот или иной теплый месяц моего детства.

И все же это был чужой мне человек, о мыслях и чувствах которого я имел лишь смутное представление по тихим крикам моей матери, когда она к нам приезжала. В разговорах эти двое чужих людей всегда понижали тон, когда речь заходила обо мне. Урывками до меня доносилось то, что она очень эмоционально, но очень тихо говорила деду:

– Хватит растить ребенка в гадюшнике!

Что такое «гадюшник», я понимал дважды в неделю, когда у меня заканчивались чистые стаканы, чтобы с утра выпить чай. Дважды в неделю – один раз после школы в среду и второй – в субботу я устраивал уборку. Стандартно в нее

входило мытье посуды и пылесос. И то, и другое выходило не лучшим образом, хотя я очень старался. Только спустя два года после того, как я начал убираться, мама рассказала мне, что мешок, который находится внутри пылесоса, надо вытряхивать, а чтобы посуда лучше мылась, нужно использовать специальное средство.

Вернувшись на кухню, я увидел, как дед ставит горячую лапшу прямо в морозильную камеру почти сломанного холодильника. Заметив мое появление, он как будто начал оправдываться: «Я слышал, что если еду приготовить и сразу заморозить, можно потом разогреть – и она будет такой же вкусной».

Когда я с ним прощался и закрывал за собой дверь, то знал, что он тут же вытащит лапшу из морозильника и, обильно заправив ее кетчупом, сразу же съест. Потом он откроет пиво и включит криминальную хронику, а значит, через полтора часа он будет звонить мне на городской телефон, проверяя, приехал ли я домой.

Он позвонит ровно четыре раза, каждый вызов будет длиться ровно шесть гудков. Если я не возьму трубку, он сразу же позвонит в полицию и сделает заявление о пропаже человека.

Устав каждый раз платить за ложный вызов, я смог убедить деда, что номер полиции изменился. Теперь вот уже год он набирал номер Гоши, который всегда отвечал и уверял,

что обязательно меня отыщет и доставит домой.

«Гадюшник», перенесшийся из детских воспоминаний в мой новый дом, встречал меня, как родного – равнодушно и незаинтересованно. Как бы то ни было, это была единственная реальность, время и место, где я существовал и где меня принимали. Ни душ, ни такое же пиво, которое распивал мой дед, не смогли мне принести ничего, кроме вновь нахлынувших воспоминаний.

Очень ярко, будто из самого красочного фильма, меня осветило теплое июньское солнце, ноги начали сжимать узкие, но такие красивые ботинки, а в плечо вдруг врезался ремень тяжелой сумки.

Я жду Катю возле входа в ее университет. Вокруг меня – счастливые улыбающиеся лица студентов после удачных зачетов и экзаменов. Я знаю, что она сейчас выйдет. Она будет расстроена какой-нибудь низкой оценкой, но это – пустяк. Я обязательно куплю ей цветы, а вечером мы поедем в кино.

Господи, до чего все банально, но ведь я ее люблю, хотя знаю, что у нас ничего не сложится. И это я знаю так же точно, как знаю все про деда – такого чужого и такого невыносимо близкого. Я слишком много про всех знаю.

Я открыл вторую банку пива – и вот мне уже стало прохладно. Я стою вместе с Катей в очереди за последними билетами в цирк. Вокруг – зима, очень много снега, темно и морозно. Мы оба одеты в нелепые светло-синие пуховики и та-

кого же цвета шапки, немного выделяясь во всеобщей серо-черной очереди.

Мне неловко, но я прижимаю Катю ближе к себе, целую ее в лоб и говорю, что у нас обязательно все получится, и заветные два билета будут наши.

Однако тогда так ничего и не получилось, и мы поехали домой на метро, молча и слегка растерянно, будто не понимая, что делать дальше. Чтобы как-то отвлечься, я читал книгу соседа слева, и, насколько я помню, там было что-то про будущее.

Словно двери комнат стандартной советской коммуналки, с каждым щелчком новой банки, передо мной открывались воспоминания, и я нехотя, но погружался в них. А там, как в этих самых комнатах – разные люди, разный свет, везде свои проблемы, свой быт. Я медленно иду по коридору, мимо с веселым хохотом проносятся и почти сбивают с ног чьи-то дети... Я неловко захожу в распахнутые двери как случайный гость, не имея права даже присесть. Мое место – возле порога, и мое дело – молчать и понимать, что скоро меня прогонят. Мне здесь больше ничего не принадлежит.

Очередная дверь уже была готова открыться, и банка начинала нагреваться в моей руке. Хохот в коридоре коммуналки становился все громче, отдаваясь звоном в моих ушах. Из состояния практически полного забвения меня вывел те-

лефонный звонок.

– У вас там все хорошо?

– Да, Гоша, а почему ты спрашиваешь? – сам того не желая, я начинал трезветь, услышав знакомый голос Гоши, который было сложно с кем-либо перепутать. – Что случилось?

– Твой звонил.

– Очень странно, – я пытался разглядеть время на телефоне, – еще даже час не прошел, как я уехал.

– Ха, теперь тебе придется привыкать к новому режиму. Я так понимаю, у тебя теперь будет всего полчаса, чтобы доехать домой.

– Черт бы его побрал...

Я попрощался и отключил телефон. Сковавшее меня чувство одиночества и забвения не отпускало, мне захотелось позвать Катю, но я вспомнил, что меня никто не услышит. Никто, кроме соседей сверху, которые как будто вечно за мной наблюдали и с упорством, достойным лучшего применения, начинали стучать по батареям, сопровождая любой громкий звук из моей квартиры.

Я закрыл глаза – и звук открывающейся банки распахнул очередные двери моего прошлого, но на этот раз я сам выбрал то воспоминание, в которое хотел погрузиться. Зажмурив глаза, я вдохнул запах мела и вдруг очень четко услышал звуки удаляющихся шагов в коридоре, где-то за стенкой, которые выдавали мою учительницу. Это именно она велела мне «одеваться» и, по всей видимости, пошла одеваться са-

ма.

Немолодая и некрасивая, она преподавала нам математику, историю и русский язык.

Несовместимость этих трех предметов в одном учителе полностью сводилась на «нет» фактом отсутствия нужных учителей в школе. Это было нечто вроде последнего бутерброда, который можно сотворить из остатков еды в вашем холодильнике: много несочетаемого и невкусного, но на выходе получается вроде как бы не очень-то и плохо.

Вот и нам было не очень-то и плохо, хотя, насколько я помню, Катины родители были первыми, кто пытался навести порядок в «холодильнике» – школе – в борьбе за качество нашего образования. Но равнодушие остальных членов родительского комитета убивало всякую надежду на перемены.

– «Вот бы твои родители хоть раз пришли и сказали, что вам не нравится с одной учительницей все предметы изучать, – я слышал голос Катинной мамы, когда она была сопровождающей на нашей классной выходной экскурсии, – ну сколько можно!»»

Иногда мне казалось, что ее родителей в моей жизни было больше, чем моих собственных.

Я встал из-за парты и повернул голову к окну. Сквозь все те же густо расставленные цветы едва пробирались последние лучи осеннего солнца. Дул сильный ветер, гоняющий листья. – Хрестоматийная осень, описанная в одном из произ-

ведений, которые мы только недавно прочитали, благодаря нашей многозадачной и всезнающей учительнице, шаги которой опять послушались в коридоре.

На этот раз они уже не отдалялись, а довольно стремительно приближались. Все мое тело съеживалось от нежелания выходить на улицу, и уже было все равно, что начинается мультик, и было неважно, кто меня доведет до дома. – Мне вдруг остро захотелось спрятаться и остаться здесь, в классе. Уснуть под партой, чтобы учительница подумала, что меня уже забрали, и чтобы она ушла, закрыв класс. И тогда мне не придется мыть посуду и приносить деду все, что он захочет. Я спокойно сделаю уроки и, свернувшись калачиком, усну под партой.

– Ты еще не собрался? – я услышал раздраженный голос в другом углу класса.

– Иду, я уже иду.

За секунду, как мне показалось, я собрался и подошел к учительнице и протянул ей руку. Вместо того, чтобы привычно взять ее, она вдруг внимательно посмотрела на меня, и я увидел в ее глазах что-то такое знакомое, родное, чего не видел уже так давно.

– Ну что ты? – она неожиданно мягко положила руку на мое плечо и, прижав к себе, засмеялась. – Не бойся, все будет хорошо.

– Я не боюсь.

Рюкзак с грохотом упал на пол, и я обнял учительницу

обеими руками.

Мечта зеленого цвета

– ...Мне на тот момент было двадцать три года. Точно не помню, но около того. А Вам?

– Двадцать шесть. В последний раз я ее увидел, когда она вышла помахать мне рукой перед тем, как я уехал. Она была совсем старенькая и плохо ходила, еле дошла до калитки.

– Но ведь дошла.

– Да, с трудом. Мне кажется, я даже помню, в каком переднике она была. Знаете, смешно, но когда она уже хозяйничала намного меньше, потому что элементарно не могла долго стоять, она все равно принимала участие в готовке, даже сидя на диване на кухне. Как могла – командовала, делала сидячую работу, ну, и все такое прочее. И обязательно надевала передник.

– Наверное, синий в цветочек?

– О, да. Мне кажется, они все так ходили. Слушайте, может, еще закажем?

– Да, сейчас. Повторите, пожалуйста. Два пива.

– Мне нефильтованное.

– Пожалуйста, одно нефильтованное.

– Раз уж мы разговорились, как Вас зовут?

– Дмитрий.

– Меня – Женя. Очень приятно. Закажем еще чего-нибудь?

– Да, давай. У вас есть закуски? Отлично, несите и то, и другое.

– Благодарю. Так вот, я понимаю, твоя носила такой же передник?

– У нее было несколько, но синий был ее любимым. Я, если честно, уже почти не помню – цвета постепенно стираются из памяти.

– Не знаю. Я помню такие моменты, как на картинках. Тем более, прошло всего... Лет 10? Или около 15, мне кажется. Я ведь правильно угадал твой возраст?

– Если говорить о возрасте в масштабах истории, то за такое же время успели построить дворец Медичи.

– Слишком сложно для третьего пива.

– Двадцать.

– Выглядишь моложе. Постоянные тренировки, персональный тренер и здоровый образ жизни?

– Ты издеваешься?

– Нет, ну почему, если такая мода пошла. Половина моих коллег по работе, например, занимается либо йогой, либо ходит на фитнес. Ну, либо и то, и другое вместе. А еще...

– Будь другом, заканчивай...

– Хорошо, я понял. Давай выпьем за то, чтобы все в сорок лет выглядели на тридцать!

– Не пролей свое пиво.

– Не беспокойся.

– Так вот. Хочу продолжить тему. Я так понимаю, тебе

еще от Минска ехать и ехать? Где, ты сказал, твой дом?

– Под Брестом.

– Извини, но это странно.

– Что именно?

– Зачем тебе лететь из Москвы в Минск, чтобы потом еще, Бог знает сколько, трястись в автобусе?

– В машине.

– Неважно. Чтобы доехать до города, сел бы на поезд, ночь поспал – и проснулся бы сразу в Бресте.

– Так быстрее. Во всяком случае, я так думал с самого начала. И потом, я как-то посчитал, что за всю жизнь я провёл в поездах около 5 месяцев жизни, катаясь туда-обратно, и мне, если честно, надоело.

– Ну, хозяин – барин. А куда ты столько ездил в поездах?

– Куда-куда... Из Бреста – в Москву и обратно.

– А, вы с бабушкой в разных домах живете?

– С чего ты взял?

– Тебе – за сорок. Бабушку ты не видел двадцать лет, при этом, как я понял, ты часто ее навещал. В чем подвох?

– Ни в чем. Принесите еще пиво.

– Два, пожалуйста... Ну, как знаешь. Могу тогда рассказать немного из своей истории.

Дом, в котором мы жили, стоял всего в пяти минутах ходьбы от центра, где стояли семиэтажные дома, самым высоким из которых, правда, долгое время был монолит общежития.

Было очень странно. У тебя под боком – центр, а сам ты

живешь в своем доме с огородом, и вокруг – еще пара десятков похожих домов. В общем, как частный сектор. Я помидоры выращивал. Каждый раз, когда приезжал. Меня дед еще учил их окучивать, когда это нужно делать, учил правильно сажать, а потом – собирать урожай.

Еще огурцы очень любил. Каждый день поливал из шланга и искал, какие уже можно снимать. Часто что-то пропускал и знаешь, многие выросли просто огромными, как колбаса, их бабушка называла «кабанами». Все просто, но что-то в этом было такое, чего сейчас уже не вернуть.

– Жалеешь об этом?

– Сейчас уже нет, привык. Хотя иногда так горько становится, как будто выпил такого же нефильтрованного пива, как у тебя.

– У меня чуть иначе было. В лучшие годы вокруг моего дома росли цветы и деревья, в основном, вишни.

Я их продавал, когда созревали, а бабушка делала вино. Мне, правда, не разрешали пробовать, но я все равно пробовал. Она делала его очень вкусным, хотя, кроме меня и деду оно никому не нравилось. Оно было темное, немного гранатового цвета, очень терпкое, на любителя, и это, по сути было единственное вино, которое я пробовал на тот момент. И оно мне действительно нравилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.